

И. А. ГОНЧАРОВ

ОБЛОМОВ

И. А. ГОНЧАРОВ

ОБЛОМОВ

РОМАН
В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ

Ленинград
«Художественная литература»
Ленинградское
отделение
1982

Текст печатается по изданию:

И. А. Гончаров. Собрание сочинений в 8-ми т., т. 4.
М., «Художественная литература», 1979.

Вступительная статья
Ю. Руденко

Обложка художника
В. Меньшикова

Оформление художников
Е. и А. Савиновых

РОМАН О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ: СКАЗКА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Имя Ильи Ильича Обломова, героя романа И. А. Гончарова (1812—1891), известно всем, хотя далеко не все читали сам роман. Образ, созданный писателем, оказался таким художественно емким, таким национально и человечески типичным, что сразу же по выходе романа в свет — в начале 1859 г. — обрел свою особую жизнь и свое собственное бессмертие, несколько отличные от конкретной исторической жизни великого романа и того бессмертия, которое дается художественному творению неисчерпаемой глубиной смысла.

Имя Обломова вошло в русский язык и прижилось в нем. Мы с детства слышим, что быть Обломовым — стыдно, и рано начинаем понимать, кто такой этот Обломов: безвольный ленивец, праздный мечтатель, который не умеет взяться ни за какое дело и ожидает, пока кто-нибудь другой его сделает или — еще лучше! — пока оно само собой как-нибудь сделается. Вошло в язык и слово «обломовщина». Им мы обозначаем определенное отношение к жизни, когда все равно, как идут дела, лишь бы шли как-нибудь, когда силы души тратятся на то, чтобы оправдать во что бы то ни стало (и лучше всего «объективными причинами») бездеятельность, лень, апатию, равнодушие...

Столь широкие обобщения естественно вытекают из содержания романа Гончарова, и их стали делать уже первые читатели и критики. Те, кто знаком с знаменитой статьей Н. А. Добролюбова, помнят ее название: «Что такое обломовщина?» — в нем критик выделил и подчеркнул ведущую проблему романа, — помнят и потрясающие своей глубиной обобщения, звучащие чеканно, точно строфы поэта: «Если я вижу теперь помещика, толкующего о правах человечества и о необходимости развития личности, — я уже с первых слов его знаю, что это Обломов.

Если встречаю чиновника, жалующегося на запутанность и обременительность делопроизводства, он — Обломов...»

С затаенной страстностью демократа и революционера Добролюбов приглашал крепостническую Россию всмотреться в свой портрет — и содрогнуться от стыда и боли за себя. Она и содрогалась, потому что роман сразу приковал к себе всеобщее внимание. Содрогалась, но не хотела в этом сознаться, искала в «обломовщине», изображенной писателем, не правды, а поэзии. И, конечно, находила ее. Роман Гончарова не был произведением сатирическим, в нем жизнь рисовалась во всей полноте проявлений, во всем богатстве красок. Однако поэзия жизни не противопологалась писателем правде жизни, а включалась в нее, и тип Обломова получал злостный — социальный и даже политический — смысл не вопреки своей психологической, общечеловеческой, «вечной» правде, а благодаря ей.

Поэзия и правда романа — это не только поэзия патриархального быта и правда крепостнического «всероссийского застоя» (по словам самого писателя). Это также поэзия и правда жизни в целом, поэзия и правда человеческих идеалов и стремлений, иными словами — поэзия человечности и правда ее трудного исторического становления.

Если Добролюбов отмечал в романе прежде всего злостно-политический смысл, а критики либеральной ориентации — его национально-историческое содержание, то молодой Писарев, еще мало кому известный в то время, сумел сжато определить своеобразие проблематики романа Гончарова, сказав, что в нем «разрешается обширная, общечеловеческая... задача... в явлениях чисто русских, национальных...»

Традиция революционно-демократического истолкования романа «Обломов» была впоследствии поддержана и развита В. И. Лениным, который опирался на гораздо более широкий исторический контекст, чем современники писателя. «Россия,— говорил он в речи 6 марта 1922 года,— проделала три революции, а всё же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист»¹. В этой ленинской оценке — и признание художественной глубины классического романа, и понимание его неоднозначности, и указание на его непреходящую актуальность.

Роман Гончарова и сегодня говорит с нами о нас, как он говорил с современниками о них.

«Обломов» продолжает магистральную линию русского классического «романа-характеристики». В центре такого романа находился герой, чья личность несла на себе печать той реальной общественной среды, которая его формировала. Он оказывался средоточием ее противоречий и особенностей, носителем ее самосознания, ее порождением и жертвой одновременно. Его индивидуальная судьба становилась зримым выражением судьбы целого общества и народа на определенном этапе их исторического бытия, а сам он — главной, ведущей проблемой произведения.

Открытие этого нового исторического сознания, новой концепции человека и общества и вместе с тем новой романной формы было сделано Пушкиным в «Евгении Онегине». Лермонтов, подхватывая пушкинское начинание, уже в названии своего романа предложил формулу нового жанра — «Герой нашего времени». Ту же задачу решал и к тому же открытию шел Гоголь, разрабатывая в «Мертвых душах» национально-исторический аспект проблемы «героя времени». Но Гончаров не просто следует традиции предшественников, он обнажает наиболее существенный, глубинный смысл традиции в целом, создавая — впервые в русской литературе — прозаический роман в его, так сказать, чистом виде, роман, который представляет собой повествовательный эпос о целой эпохе в жизни русского народа и о важнейших типах, ей принадлежащих.

Уже название романа указывает на центрального героя, повествование о ком является ведущей темой произведения. Эта тема в дальнейшем не дробится, не осложняется посторонними мотивами, не взрывается ни авторскими отступлениями, ни комментариями. Изложение темы разворачивается неторопливо и преследует цель максимально исчерпать ее. Сюжетная структура романа предельно проста и прозрачна и не допускает никаких интригующих тайн, умолчаний, скачков. Авторская позиция выражается всем движением темы, полнотой ее разработки и строгой, классическистройной соотнесенностью всех частей и деталей романа друг с другом и со смыслом целого.

Илья Ильич Обломов — русский барин, помещик средней руки. Воспитывавшийся в провинциальной глуши, обучавшийся в столичном университете, служивший чиновником, потом оставивший службу, он предстает перед читателем в ту переломную пору жизни, когда человек уже остыл от увлечений молодости, приобрел, что называется, житейский опыт, знает меру своих сил и способностей, не склонен к новым обольщениям и еще полон зрелых, нерастрченных сил. Обломов мягок и добр от природы, наделен флегматическим темпераментом, сохраняет в тридцать два года чистое сердце и целомудренную душу и в этом уже не изменится до конца дней. Он не предъявляет жизни никаких особых требований, но и не склонен мириться с ее повседневной пошлостью, к которой в высшей степени чуток. Видя вокруг себя ее повсеместное господство, он почел за лучшее просто от нее отвернуться, отгородить среди всеобщей «суеты» свой маленький уютный мирок, в уединении которого неторопливо вырабатывает «план» дальнейшей жизни. Этот план не обширен, но и не фантастичен: нужно вернуться в поместье, сменить управляющего, перестроить обветшавший отчий дом, жениться и доживать остаток лет бок о бок с нежной подругой в окружении резвящихся отпрысков. И план-то почти весь уже сложился в его голове, осталось додумать только кое-какие частности. Правда, Илья Ильич уж очень сладостно переживает в мечтах одни идиллические частности плана — в ущерб его деловой части, которая слишком долго ему не дается. Однако он не хочет спешить: жизнь долга, а счастье может оказаться непрочным, если

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 13.

заранее не исключить опасности ошибок! Между тем из деревни приходят известия о неурожаях и падающем доходе, домохозяин (в Петербурге) требует срочно съезжать с квартиры. Обломов хотел бы отмахнуться от этих докучливых, неотложных забот, домечтать свой «план», в котором они сами собой разрешатся; но — «жизнь трогает»...

Постепенно читателю открывается комическая несообразность между физической, нравственной, духовной зрелостью героя — и его неприспособленностью к жизни, беззащитностью перед наглостью, подлостью, плутовством. Он словно большое дитя, нуждающееся в покровительстве и опеке. И это было бы только комично, если бы Илья Ильич не понимал себя, не видел истинного положения вещей. Но он вполне сознает меру своего бессилия. «Все знаю, все понимаю, но силы и воли нет», — говорит он в горькую минуту. Его безволие — не природное свойство натуры, а следствие барского воспитания и барской жизни. Повседневные отправления жизни помогает ему исполнять крепостной дядька и слуга Захар; материальные средства поставляют «еще триста Захаров», обитающих в родовой Обломовке; деловые решения принимает за него друг детства Штольц, а когда его нет, Обломов вынужден обращаться за помощью и советом к первому попавшемуся пройдохе. Трагическим ужасом веет на читателя, когда Илья Ильич беспомощно признается одному из них: «...Я не знаю, что такое барщина, что такое сельский труд, что значит бедный мужик, что богатый; не знаю, что значит четверть ржи или овса, что она стоит, в каком месяце и что сеют и жнут, как и когда продают; не знаю, богат ли я или беден, буду ли я через год сыт или буду нищий — я ничего не знаю!... Я барин и делать ничего не умею! Делайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за труд возьмите себе, что хотите, — на то и наука!»

Казалось бы, такой человек должен быть жалок и несчастен, жизнь то и дело должна награждать его чувствительными уроками. И все это в романе есть. Но, вопреки неизбежности, судьба оказывается постоянно благосклонной к Илье Ильичу. Она дает ему друга, который всегда появляется в трудные моменты, берет на себя его мелкие хлопоты и крупные заботы, спасает его от разорения и обеспечивает доходы. Судьба дарит ему настоящую большую любовь; а когда он не выдерживает испытания требовательной любовью чистой девушки, она же посылает ему давно желанное тихое и покойное счастье, согретое самоотверженной и безответной любовью другой женщины. Сама смерть обходится с ним ласково и снисходительно, настигая в минуту безмятежного сна. И в памяти знавших и любивших его людей Илья Ильич остается не жалким неудачником, а человеком «голубиной души» и «золотого сердца».

Так необычно строится сюжет романа, основным лейтмотивом которого является «детскость» героя. Отчего же эта «не бог весть какая важная» «история о том, как лежит и спит добродушный Обломов и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить и поднять его» (Добрлюбов), не выглядит заурядной повестью о лежебоке, которому повезло в жизни? Дело, конечно, и в виртуозном мастерстве психологической характеристики, превращающем социальный портрет героя в блестящий очерк одного из «вечных» человеческих типов. И в тончайшем анализе чувств, который взрывает изнутри статичную пластику бытописания, многократно увеличивает повествовательный объем произведения, придавая ему захватывающе динамичную форму любовного романа. Дело также в двойственной природе «детскости» Ильи Ильича, поскольку она освещается одновременно в своих разнородных истоках и смыслах — и как духовная ущербность личности, являющаяся следствием социального паразитизма, и как идеальное проявление целомудренной человечности и душевной «целости». Дело, наконец, в особом строении романа, когда масштаб характеристики героя укрупняется и расширяется за счет системы образных сопоставлений и противопоставлений, уподоблений и контрастов, сквозных мотивов и литературных аналогий. В рамках такой системы все персонажи сложно соотношены друг с другом и с центральным героем, и это бесконечно углубляет проблематику романа.

Своеобразным «двойником» Обломова проходит через все повествование Захар. Барин и слуга имеют сходные характеры и привычки, симпатии и антипатии, жизненные устремления и идеалы. Их намеренно подчеркиваемая близость вызывает комический эффект, но заключает в себе и важный для смысла романа акцент. Обломов и Захар немислимы и невозможны друг без друга. Находясь на противоположных полюсах социальной иерархии, они составляют как бы единую личность; каждый отдельно от другого является человеком ущербным. Захар — это низменная сторона Обломова. В его трезвой бездуховности пародийно отражается мечтательная

духовность Обломова. В параллелизме их индивидуальных судеб проступают две грани одной и той же «обломовщины». Идеал «целого» человека, во имя которого так горячо ратует Илья Ильич, отвергая предприимчивое делячество грядущего нового «века» в пользу уходящего патриархального уклада жизни, объективно предстает как историческая фикция.

Резкий контраст составляют Обломов и Штольц. Они ровесники и друзья детства. Их пути и судьбы расходятся рано, начиная с первых впечатлений жизни, но расходятся от одной точки и разворачиваются, пересекаясь на всех поворотных этапах.

Обломов — барское дитя, воспитываемое теплочно; Штольц — сын управляющего-немца, сознательно приучаемый отцом к труду и самостоятельности. Привыкший «сбывать работу с плеч, как иго», Обломов оставляет службу, чтобы уединиться в сонной грезе о «вечном празднике» жизни; Штольц видит в труде «образ, содержание, стихию и цель жизни» и свободно меняет занятия, идя по жизни «твердо, бодро», «стараясь тратить каждый день, как каждый рубль, с ежеминутным, никогда не дремлющим контролем издержанного времени, труда, сил души и сердца». Обломов целомудренно-простодушен; Штольц — целомудренно-горд. Обломов с упоением мечтает об идиллическом счастье; Штольц больше всего «боится воображения», не верит в «поэзию страстей», «хочет видеть идеал бытия и стремлений человека в строгом понимании и отправлении жизни».

В сюжетном действии романа оба героя последовательно замещают друг друга. Первоначально Штольц испытывает «слабость» к Ольге. Он знакомит ее с Обломовым, вовсе не предполагая в друге способности к тому страстному чувству, которое, однако, вспыхивает и пробуждает лучшие свойства его натуры. В любви к Обломову расцветает и преобразуется характер Ольги — «очаровательное дитя» становится самобытно глубокой личностью. Когда же их любовь задыхается в бессилии обломовской апатии, опустошенная и оскорбленная душа Ольги вновь возрождается к жизни благодаря страсти Штольца, теперь уже внезапной для него и достаточно мучительной. Но Обломов не только терпит поражение, а Штольц не только побеждает. «Хрустальная, чистая душа» Обломова продолжает тревожить Ольгу и в замужестве, и Штольца смущает не ревность, а невозможность ответить Ольге на те вопросы, на которые так удовлетворительно и однозначно он всегда отвечал Обломову. Этот неожиданный финал ведущей любовно-психологической коллизии романа возвращает читателя к главному смыслу сопоставления Обломова и Штольца.

Друзья ни разу не сталкиваются в романе как соперники. Все встречи Штольца с Обломовым сопровождаются разговорами, по-дружески теплыми, откровенными и неизменно тактичными, когда касаются личных, интимных вопросов. Однако именно в разговорах обнажается идейный и — шире — философско-идеологический характер их противоборства. Свой «халат», свое «лежанье на диване», свое равнодушие к светским и литературным «новостям» Обломов трактует как жизненную позицию. Он убежден, что его идеал «счастья-покоя» соответствует естественному стремлению всех людей, подтверждаемому чуть ли не самой историей, ибо вся человеческая деятельность, все тяготы труда, весь прогресс промышленности и торговли могут быть оправданы, с его точки зрения, одной-единственной конечной целью — достижением всеми людьми на земле изобилия и довольства! Штольц не без удивления обнаруживает в Обломове «философа» и «поэта», но противопоставляет его идеалу свой идеал труда как высшего и конечно-го жизненного принципа. В этом, казалось бы, отвлеченном споре друзей вскрывается, однако, сущность самой проблемы идеала: если счастье есть некая конечная цель — тогда идеал счастья состоит в достижении бездеятельного покоя, безмятежного отдыха после житейской борьбы, в прекращении труда; а если счастье есть только стремление и желание, если плоды труда неизбежно влекут за собой новые стремления и желания — тогда стоит ли это «счастье» трудов, не призрак ли оно, в вечной погоне за которым человек растрчивает единственное, что ему дано, — жизнь? Две несовместимых концепции жизни исходят: одна — из понятия «нормы», «состояния», другая — из понятия «процесса», «развития», и обе апеллируют к жизни. Проблема идеала оборачивается в романе проблемой смысла жизни, соответствия идеала — жизни.

Никакие отдельные факты, никакие самые безукоризненные логические аргументы не могли бы разрешить эту неоднозначную проблему. Способом ее решения становится сам роман, ключом — грандиозное образное обобщение, именуемое в нем «обломовщиной». Впервые это

слово произносит Штольц для обозначения обломовской утопии «счастья». Тут же понятие «обломовщина» расширяется и уточняется: сельская идиллия покоя, сонный «рай» Обломовки, любезный сердцу Ильи Ильича, — это, по словам Штольца, «деревенская обломовщина»; ненавистная Илье Ильичу «суэта» современного города, деятельное стремление к чинам и деньгам, карьере и наживе — «петербургская обломовщина». Общей почвой всякой «обломовщины» является отношение к труду как проклятию, отрицание нравственной ценности и значения труда. Но «обломовщина» — не абстрактное понятие; в контексте романа его объем постоянно меняется, по-новому раскрываясь в разных своих аспектах.

Прежде всего, «обломовщина» — это патриархальный уклад жизни, по-своему целостный и гармоничный. Он полностью подчиняет живущих в сфере его влияния людей, налагает неизгладимую печать на их сознание. Течение жизни исполнено здесь обрядовой значительности; ее содержание составляют необходимые отправления еды и сна; иерархичность социальной структуры является ее естественной формой. В представлениях людей о жизни границы реального зыбки; природа одушевлена и говорит языком примет; сознанием безраздельно владеет вера в чудесное. Жизнь, определяемая «господством сказки и предания», навсегда прививает душе человека «страх и безотчетную тоску». Страх остается даже тогда, когда человек узнает (как узнал Илья Ильич), «что нет бед от чудовищ», а «какие есть — едва знает, и на каждом шагу все ждет чего-то страшного и боится». Тоска постоянно томит вопросом: «зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка?»

Для Обломова сказка его детства стала идеалом жизни, но от этого она не перестала быть сказкой. «Сонное царство» обломовского «рая» — на самом деле сон души, «истинное подобие смерти». Попытки Штольца (и Ольги) «пробудить» Обломова есть борьба за живое в нем против мертвящей силы «обломовщины». Однако «обломовщина» — это не только русский патриархальный уклад, исторически сложившийся и исторически преходящий. Это особый миропорядок, сказочный «сон» человечества, явление всемирно-исторического масштаба. Исторический процесс отбрасывает в прошлое патриархальные нормы жизни, а с ними — старые формы сознания. Реальность отделяется от сказки и разрушает ее. Но она же дробит самого человека, лишает его простодушной веры в «промысел божий» и вместе с тем — душевной «целости». Обломов чувствует катастрофичность происходящих исторических сдвигов, страшится их безликого напора. Везде вокруг он видит не «жизнь», а «вечную беготню взапуски». «...Все заражаются друг от друга, — говорит он Штольцу, — какой-нибудь мучительной заботой, тоской, болезненно чего-то ищут. И добро бы истины, блага себе и другим — нет, они бледнеют от успеха товарища... Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня!» Обломов защищает, как может, свой идеал «сна-сказки», считая все новейшие формы деятельности тоже «сном», только хуже, потому что за их «всеобъемлемостью», по его мнению, «кроется пустота», отсутствие симпатии ко всему! И Штольцу нечего возразить на это.

Возражает сам романист, ставя рядом с Обломовым Штольца как иной тип личности. Штольц — немец, но «только вполовину, по отцу: мать его была русская». Оба родителя прививали сыну свои начала. Отец воспитывал в Андрюше будущего «добрého бурша», взяв за образец «узенькую немецкую колею», которую даже не сам сочинил, а унаследовал «от своего деда и продолжил ее, как по линейке, до будущего своего внука». Мать противилась этому «трудовому, практическому воспитанию», боясь, «что сын ее сделается таким же немецким бюргером, из каких вышел отец». «На всю немецкую нацию она смотрела как на толпу патентованных мешан», а в Андрюше «ей мерещился идеал барина, хотя выскочки, из черного тела, от отца бюргера, но все-таки сына русской дворянки...» Она «учила его прислушиваться к задумчивым звукам Герца, пела ему о цветах, о поэзии жизни, шептала о блестящем призвании то воина, то писателя, мечтала с ним о высокой роли, какая выпадает иным на долю...» Оба взаимоисключающих влияния являются не чем иным, как разновидностями одной и той же «обломовщины» — русской, «с ее широким раздольем барской жизни», и немецкой, с ее расчетливой деловитостью, без усыпляющей «сказки», но с тем же косным господством «обычая» и «предания», передаваемых по наследству. Личность формирующегося юноши вбирает оба начала, однако не раскалывается, а гармонически перерабатывает их: привычка к самостоятельному труду нейтрализует обломовский «страх» перед жизнью, ограничивает обломовскую бессильную мечтательность; напротив — вольный простор непочатых сил спящей до времени России, мягкая

человечность и сострадательность русской природы бесконечно раздвигают горизонт и ставят новые цели для предприимчивой активности трудящегося человека. Немец по имени, Штольц становится прообразом будущего русского человека. «Узенькая немецкая колея» европейской деловитости чудесно преображается в нем в русскую «широкую дорогу». В этом смысле Штольц выступает в романе не только антиподом Обломова, но является, с точки зрения писателя, идеалом такого нового человека, который уже «приснился» современной России, хотя и не определяет еще ее развития. «Деятели издавна отливались у нас, — замечает писатель, — в пять, шесть стереотипных форм, лениво, впологлаз глядя вокруг, прикладывали руку к общественной машине и с дремотой двигали ее по обычной колее, ставя ногу в оставленный предшественником след. Но вот глаза очнулись от дремоты, посылались бойкие, широкие шаги, живые голоса... Сколько Штольцев должно явиться под русскими именами!»

В единичных судьбах Обломова и Штольца как героев романа демонстративно проявляется сущность двух исторически сложившихся миропорядков — старого, патриархально-неподвижного, и нового, буржуазно-деятельного. Контрастный параллелизм их образов придает всей проблематике романа философско-историческую значимость. Сюжет здесь не организует собой целостное содержание произведения, а выступает в роли одного из важных, но частных его составляющих. Зато в свете главной проблемы он обретает новый глубокий смысл.

Обломов и Ольга, два ведущих героя сюжета, тоже во всем противопоставлены друг другу. Но их контраст — это прежде всего идеальный контраст мужчины и женщины, одинаково целомудренных, одинаково любящих и одинаково страдающих. «Обломовщина», связывающая Илью Ильича по рукам, подобно античному року вторгается в их любовь и становится ее интимной коллизией. Каждый из героев любит в другом его же, но будущего. Для Обломова в Ольге воплощается его идеал. С Ольгой в его жизнь входит та реальная цель, которой он давно не видит нигде вокруг и которая, с его собственной точки зрения, является высоким оправданием деятельной жизни, поскольку ее венчает все тот же идеал безмятежного счастья-покоя. Из области отвлеченных споров вопрос о содержании «счастья» переходит теперь в область практического осуществления. И «счастье» обломовской мечты именно в сюжете демонстрируется как иллюзия и только иллюзия. Мертвящее дыхание «обломовщины» парализует волю Ильи Ильича и иссушает его любовь. Если в спорах со Штольцем дилемма «жизнь или смерть», «теперь или никогда» стоит теоретически, то исход любви Обломова и Ольги дает однозначное действительное — и при этом трагическое! — разрешение дилеммы.

Пока на авансцене сюжета торжественно разыгрывается возвышенно-поэтическая драма несостоявшейся любви Обломова и Ольги, из-за кулис время от времени мелькает слабой тенью силуэт маленького домика на Выборгской стороне, где проживает безликая многодетная вдова и куда отправлены с квартиры на Гороховой улице и свалены в кучу вещи Ильи Ильича, включая его продавленный диван и замасленный халат. Но вот плавное течение драмы рвется на куски по мере нарастающих сомнений и страхов Обломова, декорации загородного летнего парка блекнут вместе с ранним осенним листопадом, действие замирает от разведенных на время мостов через Неву — и наступает пора унылого эпизода. Вместо «глубокого голоса» Ольги, исполняющей для Обломова пленительную итальянскую арию, являются «белые руки» Агафьи Матвеевны с «вечно движущимися локтями», ее «заботливо останавливающиеся на всем глаза»; вместо ветки цветущей сирени, эмблемы романтической любви героя, — «славная водка» домашней выделки и «пирог с цыплятами и грибами». Для Обломова осуществляется наконец идеал того необозримого, как океан, покоя жизни, картина которого неизгладимо легла на его душу в детстве, под отеческой кровлей». Илья Ильич навечно застывает «как будто в золотой рамке жизни» и сам добровольно и сознательно, «тихо и постепенно укладывается в простой и широкий гроб остального своего существования».

Теперь уже героини сопоставлены друг с другом как соперницы и невольные подруги в любви к Обломову. Для обеих эта любовь обозначила духовное пробуждение и расцвет личности. Но одна понимает любовь как высокий нравственный «долг» и, любя беззаветно и верно, требует от героя своего романа верности «идеалу мужчины, просыпающегося через нее к жизни», а другая «полюбила Обломова просто, как будто простудилась и схватила неизлечимую лихорадку». «Покой и удобство Ильи Ильича», пока Пшеницына не отдалась безотчетно «сладостному игу»

любви, были для нее обязанностью — «теперь это стало ее наслаждением». Любовь-долг — и любовь-обожание. Два лика любви, два полюса женской духовности, два идеала, очерчивающих реальные пределы доступного человеку счастья.

В жизни Обломова состоявшаяся «сказка» идиллической любви Агафьи Матвеевны компенсирует несостоявшееся счастье деятельной и животворной любви Ольги. В то же время осуществление «сказки» окончательно увлекает его в пучину смерти — не только символической, духовной, но и реальной, физической. В жизни Пшеницыной те же факты приобретают обратный смысл. Обломов для нее — дитя и барин. Обломов-дитя — ее возлюбленный, муж, отец ее ребенка. Обломов-барин — ее кумир и идол. До встречи с ним ее жизнь была духовным небытием. Его появление принесло ей свет и духовное рождение. То, что для него умирание, «сон», для нее — пробуждение, жизнь. Его физическая смерть вновь погружает ее во мрак духовного небытия. Образ Агафьи Матвеевны двойится в восприятии читателя. Она, словно «неслыханная красавица Милитриса Кирбитьевна», нисходит в жизнь Обломова из сказки и переносит его в тот мир, «где только и знают, что гуляют, где нет забот и печалей», где можно «полежать на печи, походить в готовом, незаработанном платье и поест на счет доброй волшебницы». И она же вовсе не волшебством, не «щучьим велением», а нескончаемым трудом и неусыпной своей заботливостью разоблачает ложь «сказки», наглядно показывает, что такое на самом деле та «живая вода», которая реально питала «рай» Обломовки за всю тысячелетнюю историю ее существования. Добровольное рабство Агафьи Матвеевны, становящееся для нее «сладостным игом», ее рабский труд, рабское обеспечение барского «покоя», будучи опрокинутыми в мир социальных отношений, вскрывают классовую сущность «обломовщины» и возвращают роман к его исходной и сквозной проблеме.

Гончаров создал грандиозное эпическое полотно, в котором «вечные» проблемы человеческого бытия — жизнь и смерть, счастье и любовь, деятельность и покой, сознание реального и мечта о несбыточном — представлены так пластически выпукло, в такой полноте и глубине своих философских, исторических, национальных и интимно-психологических проявлений, что в этом отношении роман «Обломов» сопоставим с немногими величайшими творениями человеческого гения в мировой литературе. Для русской литературы этот роман открыл новые горизонты художественного постижения жизни, стал одним из тех вершинных достижений, которые определили и до сих пор определяют ее мировое значение.

Ю. Руденко

